

Так, по мнению автора, орнамент в силу определенных свойств можно выделить в качестве самостоятельного вида изобразительного искусства (с. 10), что, на наш взгляд, не имеет достаточных оснований, тем более что в ходе дальнейшего изложения О.М. Рындина ведет речь все же об орнаменте как о части декоративно-прикладного искусства. Следует учитывать, что орнамент – это система, в которую входит множество элементов, в том числе и украшаемый предмет, и техника исполнения, подчеркивающие прикладную функцию орнамента.

О.М. Рындина, некритично восприняв существующую научную традицию, некорректно, на наш взгляд, наделяет культурным или этническим содержанием классификационно-лингвистические понятия «угры», «самодийцы», «тюрки» и т.д., обозначающие по сути не более чем языковые подразделения. В данном случае было бы уместно вести речь об орнаменте хантов, манси и т.д., а точнее, о соответствующих элементах культуры отдельных локальных групп. Необходимо отметить, что построения исследователя наиболее удачны в тех случаях, когда она именно так подходит к материалу.

В первом разделе, говоря о различных типах вышивок хантов (с. 32), автор не останавливается на традиционности в использовании цвета. Кроме того, к большому сожалению, в монографии отсутствуют цветные иллюстрации.

Выделение О.М. Рындиной четвертого этапа в генезисе орнамента хантов и манси, на наш взгляд, не имеет достаточного основания и логически не соотносится с тремя предыдущими периодами (с. 392–395). Возможно, в этом случае стоит объединить два последних этапа в один.

Анализируя применение ромба с продленными сторонами и крючковидными отростками в орнаментике русских Западной Сибири, автор монографии указывает, что этими элементами украшали одежду, и связывает его с магией плодородия (с. 542). В данном случае подобная семантическая трактовка описанных элементов выглядит несколько односторонней. Учитывая широкую распространенность подобного ромба в орнаментальном искусстве народов Европейской России² и Сибири³, можно говорить о его древнем происхождении и о том, что эти элементы, вероятно, обладают множеством семантических значений.

Несмотря на высказанные замечания, работа О.М. Рындиной имеет огромное значение. Монография представляет собой цельное исследование, решающее крупную научную проблему. Научная и методологическая новизна исследования несомненна и выражена в подходе к орнаменту как к системе. Работа, безусловно, найдет применение в практической работе по пропаганде богатейшего культурного наследия народов Сибири.

Примечания

¹ Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 369–378; *его же*. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. 470 с.

² Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. М., 1977. С. 85; Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 203–205; Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 50–52; Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984. С. 178–179; Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. С. 69–71.

³ Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1990. Рис. XLVI; Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск, 1979. С. 144, 221.

Ф.М. Фаткуллина, А.Г. Селезнев

© 1999 г., ЭО, № 2

З.П. Соколова. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998. 288 с.

Выход в свет нового труда известного сибиреведа З.П. Соколовой – заметное явление в нашей науке. Эта монография значительно расширяет представления о материальной культуре народов Сибири, сохраняет российские традиции этнографических исследований. Отрадно, что в наше нелегкое время еще есть ученые, отдающие свой труд и талант фундаментальной науке, и находятся средства для публикаций.

Свою книгу автор основывает как на поистине огромном фактическом материале о жилищах 34 народов, собранном ею в многолетних экспедициях, так и на опубликованных данных. Широко использованы уникальные материалы «Историко-этнографического атласа Сибири»¹.

Рецензируемое исследование подразделяется на две части: первую – эмпирическую, и вторую, посвященную этнологическому анализу и опыту создания типологии жилищ региона, а также критической оценке взглядов других авторов по изучаемому вопросу.

Каждая из частей монографии З.П. Соколовой представляет большую ценность для науки; вместе они дают завершённую картину распространения характера, разновидностей и типологии жилищ на огромной территории Сибири и всего Севера нашей страны.

В первой части работы исчерпывающе и профессионально рассмотрены особенности и общие черты жилищ коренного населения Сибири. Их описание сопровождается значительным числом прекрасно выполненных иллюстраций в тексте и приложении, что позволяет читателю наглядно представить себе все многообразие и богатство народных традиций.

В небольшой рецензии невозможно сколько-нибудь подробно рассмотреть эмпирическую часть исследования, поэтому, чтобы уделить основное внимание этнологическим сюжетам, остановлюсь лишь на отдельных вопросах.

Во «Введении» автор поясняет, что имеет в виду под понятием «традиционная культура», относя формирование последней к концу XIX – началу XX в., т.е. времени, когда она особенно тщательно была описана рядом исследователей и сохранялась в памяти информаторов (с. 6).

Как несомненную удачу ученого хочется подчеркнуть обращение к отечественной теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ), в последние годы несколько ушедшей из поля зрения многих авторов. Именно характер ХКТ (с. 7) позволяет многое понять в специфике материальной культуры, в частности, жилища. Очень важно, что автор постоянно сопоставляет изучаемые явления – поселения и жилища – с хозяйственной деятельностью населения, что позволило выделить четыре основных категории поселений, «зависщих от образа жизни населения» (с. 8 и сл.). Из этого делается правильный вывод, что типы поселений по характеру образа жизни – оседлого, кочевого, полукочевого и полуседлого – делятся на постоянные, сезонные, временные и кочевые (с. 13).

Основное место в первой части книги отведено детальному описанию жилищ ненцев, энцев, нганасан и других народов Сибири. Не имея возможности подробно останавливаться на этом предмете, хочу сделать только два небольших замечания. Автор приводит много местных терминов, и это, разумеется, совершенно верно. Однако, думается, следовало расставить ударения на слогах. Кроме того, если в ряде случаев сообщается о современном состоянии жилищ у того или иного народа, изменениях, происшедших в этом виде материальной культуры, то применительно к некоторым, например керекам (с. 82), такие данные отсутствуют, что, очевидно, связано с отсутствием соответствующего фактического материала. Также хотелось бы, чтобы исследователь более четко определял классификационные понятия – как то «тип» и «вид» (ср. «виды» жилищ у айнов на с. 106 и «типы» у западносибирских татар на с. 109), а также «класс» и некоторые др. Оставляя в стороне эти попутные замечания, обратимся к этнологической части работы, посвященной типологии жилищ народов Сибири, содержащей важные и оригинальные выводы.

Говоря о теоретической части рецензируемого труда, следует прежде всего подчеркнуть научное мужество З.П. Соколовой, приступившей к исследованию столь тяжелой, даже мучительной проблемы, как типологизация. Классификация, типологизация и т.п. исследовательские приемы относятся к числу особенно трудных задач в науке. Решая ее, ученому приходится вырабатывать за неимением общепризнанного собственного категориального аппарата, соблюдая при этом основные требования фундаментальности и сопоставимости признаков, берущихся за основу. При этом читателю и критику обычно трудно угодить из-за неизбежной субъективности отбора этих признаков, затрудняющей положение исследователя. Что касается материальной культуры, то ее типологизация (вследствие множественности факторов) дело чрезвычайно трудное. И надо сразу сказать, что З.П. Соколова успешно справилась с поставленной задачей.

Начиная главу о типологизации жилищ народов Сибири, ученая отмечает их исключительное разнообразие по форме, конструкции, материалам, из которых они сооружались. Как она пишет, «типов и вариантов этих жилищ даже больше, чем представленные в "Историко-этнографическом атласе Сибири", в котором обобщены огромные музейные, архивные и литературные данные...» (с. 136); особенно это видно на материале таких народов Южной Сибири как шорцы и алтайцы. При разработке типологии жилищ автор исходит из того, что в них много общего. Это способствует их классификации и позволяет выделить широко распространенные типы, в частности, каркасные и срубные (там же).

Вместе с тем, говоря о принципах типологизации и классификации, хочется заметить, что на мой субъективный взгляд, в данном разделе книги исследователь не во всех случаях последователен в применении категориального аппарата, и многие используемые им термины, как-то «тип», «вид», «конструкция», «сооружение», «вариант», «группа» применяются в отдельных случаях как синонимы. Может быть, следовало более четко определить признаки, положенные в основу каждого из категориальных понятий (см. с. 137–139 и др.). Впрочем, как уже отмечалось, признаки, которыми определяется каждое из понятий, и принципы типологии, предлагаемые тем или иным исследователем, могут оказаться объектом критики, с чем автору приходится либо смиряться, либо искать новые подходы к решению проблемы.

З.П. Соколова отмечает широкое распространение в сибирском жилище каркасных конструкций, причем наиболее архаичный тип постройки бытовал у эскимосов, чукчей и коряков, сооружающих каркас из костей и черепов морских животных, хотя чаще встречается каркас из наклонных или вертикальных столбов. Выделяется также тип с дополнительными центральными столбами (с. 137). Как особый «тип» автором рассматривается надземное или подземное жилище сибирских татар – «плетневый дом», а также ряд других «типов», «вариантов», «подгрупп» («категорий») (с. 139 и сл.) и «групп» (с. 141 и сл.).

Особый раздел книги посвящен историографии проблемы. Наряду с анализом работ авторов, связанных с изучением жилищ Сибири, специально исследуется практически все, написанное о типологии жилищ описываемого региона. Приводятся типологии, предлагаемые различными исследователями, дается их критическая оценка. Так, подробно рассматривается точка зрения А.А. Попова, относительно которой указывается, что она имеет много достоинств, но и некоторые недостатки. В частности, «первый – это не совсем удачный признак: из перечня вариантов, выделенных внутри трех больших групп жилищ (надземные и полуподземные, свайные и подземные) встречаются одинаковые типы (например, конические, сферические, пирамидообразные и др.), что лишает данную типологию стройности и четкости». «Можно то же самое сказать и о прямоугольном типе...» (с. 147). Думается, что это замечание вполне резонно. Столь же справедливы и другие, например, о расплывчатости термина «шалаш», который З.П. Соколова считает ненаучным (с. 149). По ее словам, А.А. Попов недостаточно учитывает в своей классификации различия в материалах, из которых сооружается жилище, хотя этот критерий для Сибири весьма важен (там же). Повторяя общую положительную оценку типологии А.А. Попова, которая «заложила основы для дальнейших исследований в этой области», автор рецензируемой книги вновь подчеркивает и недостатки этой схемы, основанной, по словам З.П. Соколовой, «... на неверных, на наш взгляд, посылах о генезисе того или иного типа жилища» (с. 150). Тем не менее, она все же полагает, что «основные критерии для типологии сибирского жилища могут быть заимствованы из его (А.А. Попова. – Г.М.) классификации» (там же).

Подробно анализируется типология жилища народов Сибири, предложенная в свое время Н.В. Лукиной. И в этом случае, отмечая позитивные стороны, автор книги говорит о некоторых ее недостатках. Речь идет о терминологии, в частности, об использовании термина «шалаш» (вслед за А.А. Поповым), высказываются и другие замечания. Положительно, но в должной мере критически оценивая взгляды предшественников, З.П. Соколова создает, на мой взгляд, верную типологию обско-угорского жилища, которая «... помогла нам предложить классификацию сибирского жилища, основанную на его конструкции, технике сооружения, плане и форме, при этом мы использовали типологию А.А. Попова, однако отнеслись к ней критически» (там же).

Далее автор подробно и убедительно излагает свою концепцию (с. 153 и сл.). Как полагает З.П. Соколова, выделение типов жилищ народов Сибири может быть основано на следующих различиях в ряде критериев, или признаков. Таких основных, наиболее важных «групп критериев четыре»:

1. Конструкция и техника сооружения, материал изготовления. По этим признакам автор выделяет три больших класса построек – каркасные (столбовые), бескаркасные (срубные бревенчатые и дощатые, кирпичные и каменные) и срубно-каркасные или каркасно-срубные (смешанные).

2. Форма основания: а) округлая в плане, б) прямоугольная в плане, в) многоугольная в плане. Среди каркасных сооружений, прямоугольных в плане, по конструкции З.П. Соколова выделяет два подкласса: 1) легкие, с основой из жердей, крытые корой, шкурами, войлоком; 2) капитальные сооружения из столбов. Они разделяются на несколько групп: 1) постройки из наклонных столбов; 2) постройки из вертикальных столбов; 3) постройки из наклонных угловых и вертикальных центральных столбов; 4) жилища из горизонтальных жердей, заложенных между парами угловых вертикальных столбов; 5) сооружения из вертикальных столбов и горизонтальных балок, врезанных в угловые столбы (техника «в паз» или «в забирку»); 6) постройки из горизонтальных балок; 7) постройки с остовом из столбов и плетеными,

обмазанными глиной стенами; 8) жилище с двумя бревенчатыми стенами; 9) жилище с двускатной крышей; 10) строения из бруса и досок.

3. Наличие или отсутствие стен. Как отмечает автор, у многих сибирских жилищ стены и крыша единые, неразделенные (например, в конической постройке – чум).

4. Форма постройки (если у нее нет стен) или форма крыши сооружения со стенами (односкатные, двускатные, конические и т.п.). Исследователь предлагает также учитывать некоторые дополнительные критерии – способы соединения основных опорных столбов и их положение (вертикальные, наклонные, горизонтальные, либо центральные, угловые, или боковые), для конического жилища – и способы крепления очажных крюков, т.е. более мелкие конструктивные детали.

Помимо этого З.П. Соколова учитывает еще три критерия, не столь важные, как первые четыре, но необходимые при характеристике жилища: 5) положение жилища по отношению к уровню земли – наземные, углубленные в землю (землянки и полуземлянки) и надземные-свайные; 6) долговременность использования жилища – постоянные, сезонные и временные. Наконец, характеристика жилища в связи с оседлым или кочевым бытом – стационарные, переносные, передвижные.

Как считает автор, данная классификация дает возможность более полно описать сооружения и закодировать все типы построек для качественного и количественного анализа (с. 154). Можно полагать, что говоря это, З.П. Соколова права, однако хочется высказать небольшое пожелание: если возможно, упростить классификацию жилищ, оставив наиболее существенные критерии и убрав менее важные, что сделает ее более компактной и удобной для использования другими исследователями.

И далее скрупулезно и обстоятельно рассматриваются наиболее характерные типы жилищ народов Сибири в рамках больших групп сибирских построек – каркасные, срубные, каркасно-срубные, бескаркасные.

Собранный и подвергнутый тщательному анализу фактический материал позволил автору перейти к обобщениям – созданию классификации сибирских жилищ (с. 189 и сл.). В качестве наиболее крупной единицы классификации З.П. Соколова принимает «класс». К классу А отнесены каркасные постройки с рядом показателей – подклассов. Класс Б составляют срубные бескаркасные постройки с соответствующими подклассами. В класс В включены каркасно-срубные постройки и их подклассы. Наконец, завершает классификацию класс Г – бескаркасные постройки. Рассматриваемая классификация выглядит стройной и вполне убедительной и, как полагаю, может быть принята.

Особенно интересно заключение, в котором не просто подводятся итоги проделанной в книге работе, а содержатся широкие и значительные теоретические обобщения по истории, эволюции и особенностям жилищ сибирских народов.

З.П. Соколова отмечает, что предлагаемая ею классификация хотя и заимствует ряд положений и терминов типологии А.А. Попова, тем не менее значительно от нее отличается. Ее типология не только содержит оригинальную группировку материала, но и несколько отлична терминологически и представляет новую концепцию, адекватно отражающую фактические данные.

Особое внимание хочется обратить на раздел, посвященный происхождению и эволюции жилищ народов Сибири (с. 199 и сл.), который начинается с краткой историографии вопроса.

Подробно анализируя и в целом положительно оценивая труды своих предшественников по изучению жилищ народов Сибири, автор вместе с тем отмечает: «К сожалению, наши более ранние работы, посвященные типологии сибирского жилища, не были замечены исследователями. Так, не была замечена наша критика типологии А.А. Попова» (с. 199). К сказанному хочется добавить, что такого рода «умолчание» – к сожалению, явление в этнологической литературе не редкое, хотя и мало похвальное.

Осталась без внимания, как пишет ученый, и ее гипотеза об общности происхождения таких типов жилищ народов Сибири как вежа саамов, землянка обских угров, кетов и селькупов, голомо эвенков, полуподземное жилище нивхов, эскимосов Северо-Востока Азии и Северной Америки, выводы о независимом, параллельном развитии конического и шатрового типов жилища, постепенном превращении шатрового жилища из углубленного в землю в наземное (с. 199–200).

Целиком можно согласиться с мнением З.П. Соколовой, что устарели и неубедительны эволюционистские гипотезы У.Т. Сирелиуса о происхождении землянки от конического чума или Н.Н. Харузина, проводившего генетическую линию от чума к решетчатой юрте и далее к многоугольному жилищу, землянке и срубе. Опираясь на аналогии из Центральной и Южной Азии, на африканский материал, считаю возможным поддержать мнение З.П. Соколовой о том, что различные формы легких построек сосуществовали с глубокой древности с подземными или полуподземными жилищами. Для областей с холодным

климатом это объясняется невозможностью жить зимой в легкой постройке; для более южных регионов следует, очевидно, искать какие-то иные объяснения.

Говоря о широчайшем распространении каркасного жилища в виде чума, исследователь отмечает его чрезвычайную древность, что находит подтверждение и в археологических данных. Так, за исключением народов Северо-Востока Сибири (чукчей, коряков, эскимосов и алеутов), он известен у всех этнических групп. З.П. Соколова допускает возможность конвергентного возникновения у них чума, что представляется вполне вероятным. Впрочем, автор книги не отрицает возможности и заимствования некоторых типов чума: уграми – у самодийцев, якутами – у эвенков или долган. Как полагает З.П. Соколова, у обских угров чум имеет, вероятно, разное происхождение: у северных оленеводов – самодийское, у южных рыболовов – местное. Еще один тип чума видимо сложился под влиянием кетов или тюрков (с. 200).

Что касается подземных жилищ, землянок и полуземлянок, то они относятся к нескольким принципиально различным типам по конструкции, а возможно, и по происхождению. В связи с этой проблемой З.П. Соколова выступает с критикой положений А.А. Попова.

Интересно замечание об особой древности подземных жилищ народов Дальнего Востока из костей морских животных. Это подтверждается наличием дымового отверстия, которое служит в летнее время одновременно входом, что свойственно древним типам подземного жилища, распространенным у аборигенов морского побережья Арктики и Дальнего Востока. Также к числу древних относятся подземные и полуподземные постройки с каркасом из наклонных столбов или из центральных столбов с наклонными стенами. Автор относит возможное время их возникновения к неолиту (с. 201). Развитие этого жилища происходило по линии уменьшения его площади по мере сокращения численности обитавших в нем семей. Одновременно совершались и некоторые конструктивные изменения: уменьшалось число опорных столбов; дымовое отверстие уже не использовалось как вход; постепенно некоторые жилища этого типа из углубленных в землю становились наземными.

Исследователь выдвигает гипотезу о родстве по происхождению всех шатровых пирамидообразных и усеченно-пирамидообразных построек как наземных, так и подземных – землянок и полуземлянок у обских угров и кетов, вежей саамов, голомо эвенков, балаганов у якутов, торыв нивхов и др. В связи с этим предлагается считать ошибочной точку зрения О.В. Ионовой о происхождении голомо от чума (с. 202) и допускается конвергентное развитие отдельных типов шатровых сооружений и различные пути совершенствования в разных условиях и разными народами единого по происхождению жилища (там же). Высказанные автором предположения основательны и заслуживают внимания.

Как полагает З.П. Соколова, не ясны происхождение и типология подземных жилищ с двускатным покрытием, бытовавшим у народов Амура. Что касается срубных подземных жилищ, то выдвигается предположение об их относительно позднем происхождении: во всяком случае это справедливо для хантов и селькупов.

Очень древними по происхождению автор считает легкие каркасные, прямоугольные в плане постройки из жердей и коры, что убедительно аргументируется их широкой распространенностью от Урала до Тихого океана и некоторыми конструктивными особенностями.

З.П. Соколова отмечает бытование каркасных построек этого подкласса, в том числе полусферических и сферических, а также в виде рассеченного цилиндра у кетов, ваховских хантов, эвенков, якутов, всех народов Амура и Сахалина и высказывает предположение об их давнем происхождении. Она предлагает выделять среди этого подкласса построек также несколько типов: 1) прямоугольные строения с двускатной крышей и с дымовой щелью на месте конька у обских угров; 2) цилиндрико-конические постройки, которые подразделяются на две группы: решетчатые (юрты) и нерешетчатые (чорама-дю, яранги, постройки южнотюркского типа). Мне представляется интересной постановка вопроса об их происхождении, что в известной мере связано с давней, но так и не решенной проблемой – где, когда и у кого впервые появились юрты «тюркского» и «монгольского» типа.

Обращаясь к решению поставленного вопроса, З.П. Соколова высказывает несогласие с предположением А.А. Попова, что все тюрко-монгольские цилиндрико-конические сооружения составляют одно целое и что нерешетчатые постройки возникли на основе более совершенных решетчатых. Как считает автор, нерешетчатые сооружения южнотюркских народов (алтайцев и хакасов), с одной стороны, существенно отличаются от решетчатых более простой конструкцией (соединение, как в чуме, вершин двух основных шестов конического покрытия, более простое соединение жердей с обручами), а с другой – они ближе к чукотско-эскимосским ярангам. Яранга и южнотюркская нерешетчатая цилиндрико-коническая постройка

возникли на одной основе – цилиндрического жилища, с коническим, как в чуме, верхом (с. 203–204). А юрта – решетчатое цилиндро-коническое жилище – либо более усовершенствованная форма южно-тюркского нерешетчатого сооружения, либо самостоятельная форма, развившаяся на основе древних полусферических построек с плетеным остовом.

Разработанная З.П. Соколовой типология позволила выделить на ее основе целый ряд культурных областей. Одна из них – «приморская», которую характеризуют полусферические постройки из костей, распространенные у предков ненцев, чукчей, эскимосов, коряков, нивхов. Другая – «таежно-лесотундровая», где в древности бытовало каркасное подземное шатровое жилище из наклонных столбов и бревен в области обитания предков саамов, хантов и манси, западносибирских татар, кетов, селькупов, эвенков, тунгусских предков якутов и долган и некоторых других народов. По распространению конической постройки – чума – выявляются пять областей: «западносибирско-таймырская» (самодийский тип), «енисейская» (кетский тип), «восточносибирско-дальневосточная» (тунгусский тип), «южносибирская – западная» (тюркский тип) и «южносибирская – восточная» (тувинский тип). Далее автор выделяет еще ряд областей на основе конструктивных признаков построек (с. 206–207).

Главный вывод исследователя: жилище как один из важнейших (подчеркну. – Г.М.) элементов культуры может быть вспомогательным критерием для характеристики ХКТ народа или группы народов.

Очень существенно, что З.П. Соколова обращается к проблемам эволюции и истории жилища изучаемых народов. Так, некоторые из описанных ею типов жилищ исчезли еще в конце XIX – начале XX в. А в то же время под влиянием русского населения коренные таежные жители Сибири начали строить срубные дома, отапливаемые железной печью. Чум стал заменяться отапливаемыми брезентовыми палатками. В советское время процессы изменений в сфере жилища значительно ускорились у многих народов (с. 208). В 1930-х годах по мере развертывания коллективизации началось строительство новых поселков – колхозных центров, а в 1950-х – осуществление политики перевода населения на оседлость в крупных поселках. Традиционные поселения и жилища забрасывались, а в новых поселках сооружались типовые постройки, не всегда хорошего качества (там же). Автор подробно описывает технику и способы новых построек, а также усовершенствования, возникавшие в поселениях (с. 208 и сл.).

Представляются справедливыми слова З.П. Соколовой в заключительной части ее труда о том, что предложенная ею классификация сибирского жилища в основном охватывает все типы и варианты жилых построек аборигенных народов Сибири, хотя и не претендует на универсальность. Данная классификация и подход ее автора к выделению критериев типологии жилища могут способствовать более тщательному описанию и изучению сибирского жилища.

Еще раз отмечу, что наша наука обогатилась очень серьезным и нужным специалистам, студентам и аспирантам исследованием, которое войдет в золотой фонд этнографии. Хотелось бы увидеть продолжение начатой работы: исследовать влияние на образ жизни и жизнедеятельность местного населения изменений в жилых сооружениях в советское и наше время. Важно рассмотреть, какие из новшеств соответствовали традициям и были полезными, а какие оказали неблагоприятное воздействие; что продолжает бытовать, а что изменяется и каким образом.

Примечание

¹ Историко-этнографический атлас Сибири. М.: Л., 1970.

Г.Е. Марков

© 1999 г., ЭО, № 2

А.К. М а т в е в. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997

В издательстве Уральского государственного университета вышла в свет небольшая по объему, но весьма ценная по содержанию книга. Данное издание – первый топонимический словарь Тюменского Севера (территория Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов). В словаре собрано около 500 названий населенных пунктов, рек, озер и других географических объектов, даны их переводы и краткие описания. В тех случаях, когда тот или иной объект поменял название в связи с переселением на эту территорию другого народа, приводятся переводы как нового, так и прежнего названий.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, но особенно интересна она будет этнографам, чья науч-